

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 327.8

Политика Российской Федерации по продвижению русского языка: глобальные стратегии и реализация в Сирии в условиях трансформаций

^{1, 2, 3} Алаеддин М.М.,

¹ руководитель представительства МИА «Россия сегодня» в Ливане и Сирии,

² военный корреспондент РИА Новости,

³ Мелитопольский государственный университет им. А.С. Макаренко

Аннотация: в статье анализируется политика Российской Федерации в области поддержки и продвижения русского языка на международной арене, рассматриваемая как компонент «мягкой силы». Исследуются концептуальные основы, стратегические приоритеты и механизмы реализации данной политики на глобальном уровне. Особое внимание уделяется специфике применения российских языковых и образовательных инициатив в Сирийской Арабской Республике, особенно в контексте затяжного внутреннего конфликта и последующих политических трансформаций. Были проанализированы как достижения, так и проблемы и трудности в расширении охвата русского языка в Сирии. С одной стороны, число школьников и студентов быстро увеличивается за последние несколько лет. С другой стороны, существует целый ряд проблем, вызванных как гражданской войной, разрушением инфраструктуры и нехваткой финансирования, так и недостаточной квалификацией преподавателей и их недостаточным количеством. Отдельную проблему представляют устаревшие и недостаточно эффективные методы преподавания русского языка. Также, сирийцам тяжело выучить русский язык из-за серьезно отличающейся грамматики и непохожего алфавита. Тем не менее, в Сирии интерес к изучению русского языка сохраняется на высоком уровне. В статье также рассматривается адаптация российской политики к изменяющимся условиям в Сирии после декабря 2024 года.

Ключевые слова: русский язык, мягкая сила, внешняя политика России, Сирия, международное гуманитарное сотрудничество, языковая политика, российско-сирийские отношения, образование за рубежом, Русский мир

Для цитирования: Алаеддин М.М. Политика Российской Федерации по продвижению русского языка: глобальные стратегии и реализация в Сирии в условиях трансформаций // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 272 – 280.

Поступила в редакцию: 23 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 21 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

The Russian Federation's policy on promoting the Russian language: global strategies and implementation in Syria in the context of transformations

^{1, 2, 3} Alaeddin M.M.,

¹ Head of the Representative Office of MIA Rossiya Segodnya in Lebanon and Syria,

² Military Correspondent of RIA Novosti,

³ Melitopol State University named after A.S. Makarenko

Abstract: this article analyses the Russian Federation's policy of supporting and promoting the Russian language on the international stage as a component of 'soft power'. It examines the conceptual foundations, strategic priorities and mechanisms for implementing this policy globally. Particular attention is paid to the specifics of applying Russian-language and educational initiatives in the Syrian Arab Republic, especially in the context of protracted internal conflict and subsequent political transformation. The analysis covers both the achievements and the problems and difficulties encountered in expanding the coverage of the Russian language in Syria. On the one hand, the number of schoolchildren and students has increased rapidly over the past few years. However, a number of issues have arisen due to the civil war, infrastructure destruction and lack of funding, as well as insufficient teacher qualifications and numbers. Another problem is the outdated and ineffective methods of teaching Russian. Additionally, Syrians find it challenging to learn Russian due to its significantly different grammar and alphabet. Nevertheless, interest in learning Russian remains high in Syria. Based on an analysis of official documents, academic publications and open-source data, this article assesses the results achieved, the existing challenges and the prospects for Russian-Syrian cooperation in linguistic and educational spheres. The article also examines how Russian policy has adapted to changing conditions in Syria since December 2024.

Keywords: the Russian language, soft power, Russian foreign policy, Syria, international humanitarian cooperation, language policy, Russian-Syrian relations, education abroad, Russkiy Mir

For citation: Alaeddin M.M. The Russian Federation's policy on promoting the Russian language: global strategies and implementation in Syria in the context of transformations. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 272 – 280.

The article was submitted: July 23, 2025; Approved after reviewing: September 21, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

В современной системе международных отношений культурное и лингвистическое влияние, часто объединяемое понятием «мягкой силы», приобретает все большую значимость. Концепция «мягкой силы», автором которой является Джозеф Най, описывает способность государства добиваться желаемых результатов во внешней политике посредством привлекательности собственной культуры, ценностей и политики, а не через принуждение [7]. В России академическое осмысление данного феномена также находит отражение в научных работах, исследующих его применимость и специфику в контексте российской внешней политики [3-5].

Теоретические выкладки Дж. Ная тщательно рассмотрены в работе О.Г. Леоновой. Так, она показывает, путем приведения цитат Дж. Ная, что он был убежден, что «мягкая сила» не связана ни с каким принуждением (силовым или даже взамен на предоставление выгоды), а связана именно с поощрением добровольного сотрудничества для достижения общей цели, чему помогают симпатия

к разделяемым общим ценностям, чувство долга и понимание необходимости достижения этих ценностей. В результате, если культура данной страны и её идеология привлекательны для других стран, те охотно следуют ее примеру. Привлекательность культуры, внутреннего высокого уровня жизни и внешней политики более влиятельной страны в совокупности приводят к тому, что другие страны добровольно совершают действия, обусловленные их симпатией и притяжением, и стимулируют их следовать за страной-лидером, страной – субъектом «мягкой силы» [6]. Тут можно обнаружить связь темы данной работы с рассматриваемой теорией: ведь одной из важнейших целей внешней политики России является добровольная популяризация русского языка в других странах для укрепления своего авторитета на внешнеполитической арене и увеличения интереса к русской культуре, что наглядно можно наблюдать на примере Сирии.

Настоящая статья посвящена анализу политики Российской Федерации по продвижению русского языка за рубежом, рассматривая ее как важный

инструмент «мягкой силы». Особое внимание уделяется стратегическим основам этой политики и ее конкретной реализации в Сирийской Арабской Республике – стране, имеющей для России важное геополитическое значение и переживающей сложный период трансформаций.

Актуальность темы обусловлена как возрастающей ролью «мягкой силы» в мировой политике, так и необходимостью понимания механизмов ее применения Россией, особенно в таких сложных и динамично меняющихся регионах, как Сирия. Уникальный сирийский контекст, характеризующийся многолетним конфликтом и недавними политическими изменениями, создает особые условия для реализации языковых и культурных инициатив.

Материалы и методы исследований

В процессе подготовки статьи использовались методы качественного и сравнительного анализа, а также элементы контент-анализа официальных документов, научных публикаций и средств массовой информации. Эмпирическую базу исследования составили нормативно-правовые акты Российской Федерации, регулирующие сферу продвижения русского языка за рубежом (включая Концепцию государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом 2015 года и Концепцию внешней политики РФ 2023 года), государственные программы и отчеты профильных ведомств (МИД, Россотрудничество, Минобрнауки), а также аналитические и статистические материалы о реализации языковых инициатив в Сирийской Арабской Республике. Для анализа применялся системный подход, позволивший рассмотреть продвижение русского языка как элемент более широкой стратегии «мягкой силы» России, а также методы сравнительного анализа – для сопоставления этапов и направлений языковой политики до и после политических трансформаций в Сирии. Теоретическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные концепции «мягкой силы» (Д. Най, О.Г. Леонова, А. Лебедева и др.) и проблемам международного культурно-гуманитарного сотрудничества [5, 6].

Результаты и обсуждения

Концептуальные основы и стратегические приоритеты российской языковой политики за рубежом

Российская Федерация рассматривает русский язык не просто как средство коммуникации, а как фундаментальный элемент национальной идентичности, истории и культуры, а также как важный инструмент для реализации своих стратегических интересов на международной арене. Офици-

альные документы, включая Концепцию внешней политики Российской Федерации от 2023 г., подчеркивают его роль в качестве основы российской истории и культуры, государственного языка РФ, языка межэтнического общения и взаимодействия в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), средства этнокультурной и языковой самоидентификации соотечественников, проживающих за рубежом, и инструмента российского влияния в мире. Такое понимание определяет подходы к формированию и реализации государственной политики в данной сфере.

Предшествующим этапом формирования современной языковой политики можно считать документ «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» от 2010 года. Однако ключевым документом, определяющим стратегию в этой области, стала «Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом», утвержденная Президентом России 3 ноября 2015 года. Основными целями концепции являются укрепление роли, значения и конкурентоспособности русского языка в мире, поддержка его изучения и преподавания, а также совершенствование инфраструктуры международного культурно-гуманитарного и научно-образовательного сотрудничества. В качестве приоритетных направлений деятельности выделены популяризация и поддержка изучения русского языка как одного из основных мировых языков и элемента мирового культурного многообразия, сохранение статуса русского языка как языка межгосударственного и межнационального общения в СНГ, а также поддержка русского языка в целях сохранения этнокультурной и языковой идентичности соотечественников, проживающих за рубежом. Эта концепция формализует связь между продвижением языка и более широкой идеей «Русского мира», подчеркивая как практическую поддержку, так и идеологическую связь.

Реализация концепции предполагает консолидацию усилий федеральных и региональных органов государственной власти, образовательных и культурных организаций, общественных объединений, фондов и бизнес-структур. Ключевыми исполнителями являются Министерство иностранных дел (МИД России), разрабатывающее общую стратегию и координирующее деятельность, Министерство науки и высшего образования (Минобрнауки России), Министерство культуры (Минкультуры России), Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству

(Россотрудничество) и его представительства за рубежом, а также фонд «Русский мир». Механизмы включают проведение масштабных мероприятий, формирование единой государственной системы курсов русского языка за рубежом на базе российских загранучреждений, расширение использования технологий дистанционного обучения, направление российских преподавателей и специалистов за рубеж, оказание научно-методической, материально-технической и информационной помощи зарубежным образовательным организациям, а также поддержку российской государственной системы тестирования по русскому языку как иностранному [2].

Дальнейшее развитие эта политика получила в государственной программе «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом» на 2022–2031 годы. Приоритетами данной программы являются укрепление роли России в мировом гуманитарном пространстве, распространение и укрепление позиций русского языка в мире, в том числе его роли как языка международного общения, а также популяризация отечественных культурных достижений, национального исторического наследия, культурной самобытности народов России, российского образования и науки. Программа включает пять основных направлений: «Культурно-гуманитарная сфера», «Образование и наука», «Информационная сфера», «Международно-политическая сфера» и «Экспертно-аналитическое обеспечение Программы». Это свидетельствует о долгосрочной, структурированной приверженности и многоаспектном подходе к продвижению языка.

Продвижение русского языка органично вписывается в более широкую стратегию «мягкой силы» России. Как отмечалось ранее, «мягкая сила» определяется как способность влиять на поведение или мышление других через привлекательность и убеждение, а не принуждение. Язык, будучи носителем культуры, ценностей и знаний, является одним из ключевых инструментов такого влияния. Официальные российские документы прямо указывают на язык как на средство формирования позитивного образа Российской Федерации и инструмент российского влияния в мире, что соответствует теоретическим положениям о «мягкой силе», хотя, как показывает практика, например, в Сирии, ее применение часто сочетается или следует за использованием более «жестких» инструментов внешней политики.

Распространение и поддержка русского языка в Сирии: динамика, инициативы и вызовы

Сотрудничество в образовательной сфере между Россией (ранее СССР) и Сирией имеет давнюю

историю. С 1956 года более 40 тысяч сирийских граждан получили образование в советских и российских вузах, что заложило основу для интереса к русскому языку и культуре в стране.

Введение русского языка в систему сирийского школьного образования началось на фоне развивающегося сирийского кризиса. В январе 2014 года министр просвещения Сирии Газван аль-Вазз объявил о включении русского языка в качестве второго иностранного на выбор с 7-го класса. Министр высшего образования Сирии Малек Али тогда же заявил о цели сделать русский язык вторым основным языком общения в Сирии после арабского, вытеснив английский или французский, мотивируя это тем, что сирийцы считают Россию ближайшим другом, особенно в период кризиса.

Динамика числа изучающих русский язык в сирийских школах демонстрировала значительный рост. В 2014 году Кафедра русского языка была открыта в Дамасском университете. И если в том же 2014 году русский язык изучали около двух тысяч школьников, то к 2020 году их число достигло примерно 24 тысяч. К 2022 году русский язык преподавался уже в 217 школах в 12 провинциях более чем 200 специалистами для свыше 35 тысяч школьников и студентов. В 2019 году бывший президент Сирии Башар Асад на встрече с российским депутатом Дмитрием Саблиным заявил, что преподавание русского языка «способствует решению проблем арабских стран, связанных с влиянием Запада, ваххабизма и террористических идей».

Российская сторона активно поддерживает эти процессы через различные инициативы. Министерство науки и высшего образования РФ увеличило квоты на бесплатное обучение для сирийских граждан в российских вузах до 759 мест на 2022/2023 учебный год (по сравнению с 513 в предыдущем году), хотя ежегодный спрос на такие места составляет не менее 2500 заявок. Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина совместно с Россотрудничеством проводил онлайн-курсы повышения квалификации для сирийских преподавателей русского языка. Активно развивалось межвузовское сотрудничество: МГТУ «СТАНКИН», РУДН, МГУ, СПбГУ, СевГУ и другие российские университеты системно работали в Сирии. По разным данным, подписано от 43 до 68 документов о сотрудничестве между российскими университетами и сирийскими организациями. В Дамаске возобновил работу Российский центр науки и культуры (в 2020 году) для подготовки преподавателей русского языка для сирийских школ, а также действовал Российско-сирийский научно-образовательный центр

«СТАНКИН – Аль-Баас». В конце 2023 года сирийское Министерство образования получило около 5000 экземпляров нового учебника «Русский язык» для седьмого класса, созданного совместной сирийско-российской комиссией.

По словам Посла Российской Федерации в Сирии А.В.Ефимова, в 2023/2024 годах по просьбе сирийских властей было резко увеличено количество стипендий на обучение в российских вузах, предоставляемых гражданам Сирии – до 1000 мест. Причем большую квоту имеют только несколько государств, входивших ранее в состав СССР. Можно полностью согласиться с утверждением А.В.Ефимова, что «сирийская молодёжь, получившая в России бесплатное высококачественное образование по самым разным специальностям – от медицинских и инженерных до творческих – внесёт огромный вклад в дальнейшее развитие своей страны». Это означает более чем трехкратное увеличение квоты на поступление в российские вузы для сирийских студентов по сравнению с 2016 г., когда их число составляло 300, что наглядно иллюстрирует всю важность для России сотрудничества с Сирией в области образования. Однако, согласно заявлению заместителя главы Россотрудничества Павла Швецова, приём сирийских студентов в российские вузы приостановлен как минимум до 2025 года из-за политической ситуации в стране.

На финальном этапе согласования находится комплексный проект по строительству в Дамаске средней школы, образовательный процесс в которой будет проходить на русском языке по передовым отечественным стандартам. В связке с ней в сирийской столице планируется открыть филиал российского вуза, на базе которого будет вестись подготовка национальных педагогических кадров.

Несмотря на достигнутые успехи, продвижение русского языка в Сирии сталкивается с серьезными вызовами. Военные действия создавали угрозу безопасности и приводили к отмене занятий. Ощущалась острая нехватка учебных материалов и квалифицированных преподавателей на начальном этапе, что было связано как с отъездом проживавших в Сирии русских и русскоязычных специалистов из-за войны и немногочисленностью местных специалистов, так и с недостатком финансирования в условиях военных действий. Не говоря уже о том, что в заевфрятских провинциях Сирии, находящихся под контролем проамериканских Сирийских демократических сил, продвигать русский язык не было возможности. Продолжающийся внутренний вооруженный конфликт, санкции против Сирии и России, вызывающие сложности с банковскими транзакциями, и ограниченная

платежеспособность сирийского населения также являются существенными препятствиями. Родители проявляли нерешительность при выборе русского языка для своих детей из-за нехватки профессиональных кадров, предпочитая более устоявшийся французский язык. Кроме того, существует конкуренция с другими языками: французский имеет давние позиции, а персидский язык до смены власти в декабре 2024 года активно продвигался Ираном, который предлагал финансовую помощь и бесплатные курсы, воспользовавшись ухудшающейся ситуацией в системе образования Сирии для укрепления своих позиций. Эта конкуренция подчеркивает, что для успеха языковых инициатив важны не только сами занятия, но и сопутствующие преимущества, такие как стипендии и перспективы трудоустройства.

Молодой исследователь и ассистент преподавателя русского языка в Университете Дамаска, Рита Мадхат Альрхаль, в своей работе решила подробно проанализировать основные трудности в обучении русскому языку как иностранному для учащихся в современной Сирии (по состоянию на 2022 г.). Во-первых, очевидной трудностью для учащихся является огромная разница в грамматическом строе русского и арабского языков. Глубокие грамматические различия серьезно мешают успешному усвоению сирийскими учащимися грамматики русского языка, особенно это касается падежной системы существительных, очень сложной для усвоения носителями тех языков, где (на разговорном уровне) ее не существует или остались лишь ее небольшие следы, что справедливо для сирийского диалекта арабского. В результате, как она отмечает, «в сознании сирийского учащегося может сформироваться третья система, в которой смешиваются черты двух неродственных языков, под влиянием интерференции может сложиться ошибочное мнение о соответствии родного языка и изучаемого русского языка». Серьезные сложности вызывает также овладение русской кириллицей, особенно учитывая, что далеко не все учащиеся привыкли регулярно делать письменные домашние задания. По ее мнению, наиболее эффективным подходом в обучении русскому языку для сирийцев является коммуникативный подход, ориентированный на то, чтобы учащиеся могли свободно общаться на русском с носителями, который недавно начал применяться в университете; до этого главными были менее эффективные методы, нацеленные на механическое заучивание и запоминание лексики и грамматики. Однако такие методы до сих пор применяются в сирийских школах, что затрудняет эффективное освоение русского [1].

Помимо собственно языковых трудностей, существуют также большие сложности, вызванные гражданской войной, мешающие учащимся эффективно заниматься: перебои с электричеством и с интернетом, в том числе в Дамаске; низкая зарплата школьных учителей и преподавателей вузов, что является одной из причин, затрудняющих привлечение необходимого количества специалистов; нехватка учебников и особенно современных компьютеров и проекторов. Также среди важных трудностей является отсутствие в университете Дамаска аспирантуры по русскому языку (если бы она была, можно было бы проводить научные исследования в области преподавания русского). Автор предлагает свои методы по решению этих проблем – в частности, проведение на более регулярной основе встреч между должностными лицами министерств образования РФ и Сирии для обсуждения острых проблем в обучении русскому языку в Сирии, повышение квалификации сирийцев – преподавателей русского языка с помощью специалистов-россиян, разработка новых учебников и учебных пособий с более эффективными методами обучения, введение дополнительных курсов с упором на усвоение русской живой речи, активизация научного сотрудничества сирийских и российских академических журналов, посвященных изучению русского языка и т.д. [1]. С оценкой автором существующих проблем и с ее рекомендациями, в целом, можно согласиться.

Российская диаспора в Сирии, насчитывающая около 6300 человек (преимущественно смешанные семьи), также является объектом внимания в рамках языковой политики. В стране действуют объединения соотечественников, такие как клуб «Родник» в Дамаске, клуб «Точка Ру» в Алеппо и ассоциация «Дар» в Латакии. Поддержка этой группы соответствует целям Концепции 2015 года по сохранению этнокультурной идентичности соотечественников.

В более широком контексте российской помощи Сирии, анализ данных о гуманитарных поставках за период с марта 2012 по ноябрь 2021 года (3819 зарегистрированных фактов доставки помощи) показывает, что основные усилия были сосредоточены на других направлениях. Продовольствие и вода составили 49% поставок, медицинская помощь – 20%, в то время как помощь, классифицированная как образовательная, составила лишь 1% [8]. Это позволяет предположить, что масштабные программы по продвижению русского языка, особенно после 2014 года, финансировались и реализовывались по линии специфического образовательного и культурного сотрудничества, а

не как основная составляющая общих гуманитарных конвоев в указанный период.

Русист Светлана Родыгина, преподаватель кафедры русского языка в Университете Дамаска, рассказывает, что в финансировании обучения русскому языку важную роль играет департамент внешнеэкономических и международных связей города Москвы. В частности, эта структура при московском правительстве поддерживает "русские классы" в Сирии новым оборудованием (только в 2023 г. открылись два таких класса: в Дамаске и Хомсе). Специально для сирийских детей совместно с издательством "Златоуст" русские лингвисты составили книгу "Полет". Московское правительство также организовало визит в Сирию доктора педагогических наук, автора учебных пособий для иностранцев и детей-билингвов, живущих в России и за рубежом, Елизаветы Хамраевой, которая провела курсы повышения квалификации для сирийских учителей. С. Родыгина, также, как и Р.М. Альхаль, говорит о серьезной нехватке профессиональных кадров русистов, однако постепенно новые кадры готовятся: так, целых 50 преподавателей прошли переквалификацию с помощью Министерства просвещения РФ и Московского педагогического университета. По ее словам, основная мотивация для изучения русского языка у школьников – шанс выиграть Олимпиаду по русскому языку после 9 класса и поехать в Россию, в Москву или в летние лагеря отдыха «Артек» и «Орленок». Так как дети большей частью – выходцы из бедных семей, школы находили для них спонсоров, чтобы помочь им купить билет и оформить визу. У студентов была другая мотивация: обучаться в российских университетах, где, как уже говорилось, существует около 1 тысячи квот, а в будущем – работать в престижной профессии.

*Российско-сирийское сотрудничество
в сфере образования и языка в условиях
политических трансформаций*

После смены власти в Сирии в декабре 2024 года российская сторона продемонстрировала pragmatичный подход, направленный на сохранение и развитие двусторонних отношений. Официальная позиция России заключается в приверженности принципам дружбы и партнерства, оказании помощи сирийскому народу и поддержке суверенитета, единства и территориальной целостности Сирии, независимо от смены руководства.

Подтверждением этого курса стали контакты на высоком уровне. В феврале 2025 года состоялся телефонный разговор между Президентом России Владимиром Путиным и временным главой Сирии Ахмедом аш-Шараа, в ходе которого обсуждались

вопросы практического взаимодействия в торгово-экономической, образовательной и других областях. Ранее, в январе 2025 года, заместитель министра иностранных дел РФ Михаил Богданов встретился с Ахмедом аш-Шараа для обсуждения развития двустороннего сотрудничества. Новое сирийское руководство также выразило открытость к продолжению российского военного присутствия в стране, если это будет отвечать интересам Сирии. Особо примечательно упоминание сферы «образования» в коммюнике о разговоре В.В. Путина и А. аш-Шараа, что указывает на намерение России продолжать и адаптировать свое образовательное, а следовательно, и языковое сотрудничество с новыми сирийскими властями.

Перспективы развития образовательных проектов и продвижения русского языка в новых условиях во многом будут зависеть от реализации ранее намеченных планов и их адаптации. Еще до смены власти, в апреле 2024 года, в качестве перспективных направлений рассматривались открытие филиалов российских вузов в Сирии (обсуждение филиала МГУ велось с 2020 года), запуск программ двойных дипломов, реализация программ «приглашенный профессор», а также студенческие и научные обмены. Долгосрочные цели включали трансформацию таких структур в полноценные университеты, содействие Сирии в подготовке квалифицированных кадров для восстановления экономики и переход к коммерчески жизнеспособным проектам. Важным шагом на этом пути является совершенствование нормативно-правовой базы, в частности, ускорение рассмотрения проекта межправительственного соглашения о взаимном признании образования, квалификаций и ученых степеней, которое должно обновить протокол 1966 года.

Новые власти Сирии начали процесс реформирования образовательной системы. В январе 2025 года Министерство просвещения Сирии разъяснило поправки к учебным программам, которые включали удаление символики прежнего режима, замену государственного флага, отмену на текущий учебный год предмета «Национальное воспитание» и коррекцию толкований Корана. Важно отметить, что в этих первоначальных разъяснениях не содержалось информации об изменениях в политике изучения иностранных языков, включая русский. Отсутствие немедленных заявлений по этому поводу может интерпретироваться по-разному: либо этот вопрос не является первоочередным для новых властей на фоне более срочных символических и идеологических изменений, либо существующие программы изучения иностранных языков продолжат действовать по умолчанию, ли-

бо обсуждения ведутся непублично. Это создает явную неопределенность и требует дальнейшего наблюдения.

Тем не менее смена политического режима в Сирии привела к фундаментальной трансформации условий для российского культурно-языкового присутствия. Если до декабря 2024 года политика продвижения русского языка и поддержки диаспоры опиралась на тесное сотрудничество с лояльным правительством Башара Асада и значительные государственные инвестиции в образовательную инфраструктуру, то новая реальность характеризуется высокой степенью неопределенности, возможным сокращением официальной поддержки русского языка со стороны Дамаска и необходимостью пересмотра всей стратегии «мягкой силы» РФ. Сообщения о реформе сирийской системы образования и потенциально возможном исключении русского языка из школьной программы, наряду с отсутствием активных сообщений о продолжении прежних совместных культурных проектов, свидетельствуют о серьезных вызовах. Оценка степени влияния политической трансформации на российские культурно-языковые проекты показывает, что их будущее во многом будет зависеть от pragmatизма новых сирийских властей и способности России предложить форматы сотрудничества, отвечающие насущным потребностям Сирии в восстановлении и развитии, а не воспринимаемые как исключительно инструменты геополитического влияния. Гипотеза о сохранении языкового фактора как значимого инструмента продвижения интересов РФ требует уточнения: его потенциал сохраняется, но реализация этого потенциала потребует кардинально иных подходов, чем ранее.

Оценка перспектив сохранения и развития российского гуманитарного влияния в Сирии

В краткосрочной перспективе следует ожидать снижения масштабов российского гуманитарного и культурного влияния, обусловленного периодом нестабильности, пересмотром прежних договоренностей и возможным скептическим отношением новых властей к инициативам, ассоциирующимся с предыдущим режимом. Однако в среднесрочной перспективе Россия может сохранить определенное культурное присутствие, если сможет адаптировать свои подходы. Условиями для этого являются: Выстраивание конструктивного диалога с новыми сирийскими властями на деполитизированной основе, акцент на проекты, имеющие очевидную практическую ценность для сирийского общества (образование в востребованных областях, научное сотрудничество, способствующее восстановлению страны). А также ис-

пользование гибких и менее зависимых от государственной поддержки форматов (онлайн-обучение, поддержка независимых культурных инициатив, народная дипломатия). Не мало важной будет и работа по улучшению имиджа России, преодолению негативных ассоциаций, связанных с ее ролью в конфликте.

Долгосрочное влияние России в Сирии через языковой фактор и диаспору будет зависеть от ее способности перейти от пассивного ожидания лояльности, характерного для предыдущего этапа, к активному предложению ценности – как для сирийского государства в его новом виде, так и для сирийского общества в целом. Это требует пересмотра подходов от «продвижения» к «сотрудничеству».

Выводы

Анализ политики Российской Федерации по продвижению русского языка за рубежом показывает, что она является многогранной и стратегически важной составляющей ее внешней политики, тесно связанной с концепцией «мягкой силы». Государственные программы и концепции, принятые в последнее десятилетие, свидетельствуют о системном подходе и долгосрочных планах по укреплению позиций русского языка и культуры в мире.

Пример Сирии наглядно демонстрирует как возможности, так и сложности реализации такой политики в условиях геополитической нестабильности и внутреннего конфликта. Действительно, начиная с середины 2010-х гг. удалось добиться серьезного роста числа как школьников, так и студентов, изучающих русский язык в Сирии, а для сирийцев в российских вузах число квот выросло в 3 раза. Однако обучение русскому языку в Сирии

сталкивается с многочисленными трудностями. Часть их была вызвана гражданской войной: нехватка учебников, перебои с электричеством и интернетом, а часть – недостаточно эффективными методами преподавания вкупе с нехваткой самих преподавателей (как, впрочем, и недостаточным уровнем квалификации у некоторых из них). К этим трудностям добавляются сложности освоения русского арабскими учащимися из-за кардинально отличающейся грамматики и совершенно другого алфавита. Поэтому для хорошего освоения русского необходимо делать ставку на развитие навыков живого общения, что уже делается в Университете Дамаска.

Несмотря на значительный рост числа изучающих русский язык и развитие образовательных инициатив, устойчивость этих достижений зависит от множества факторов, включая ситуацию с безопасностью, наличие ресурсов, квалифицированных кадров и конкуренцию с другими языками. Российская сторона проявляет готовность адаптировать свое сотрудничество с Сирией в образовательной сфере к новым политическим реалиям, возникшим после декабря 2024 года, что подтверждается продолжением диалога на высоком уровне с акцентом на образовательные проекты.

Сложности реализации инициатив «мягкой силы» в таких странах, как Сирия, указывают на необходимость долгосрочных обязательств и адекватного ресурсного обеспечения для достижения устойчивых результатов, а не только краткосрочных количественных показателей. Дальнейшая эволюция российско-сирийских отношений в образовательной сфере после 2024 года и потенциальная адаптация сотрудничества к новым условиям представляют значительный интерес.

Список источников

1. Альхаль Р.М. Проблемы и перспективы в реализации методики сотрудничества в обучении сирийских школьников русскому языку // Методика сотрудничества в обучении русскому языку: материалы международно-практической конференции. М.: Московский педагогический государственный университет, Институт филологии. 2022. С. 187 – 193.
2. Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. //М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2012. 482 с.
3. Будаев А.В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 48. С. 189 – 197.
4. Громыко А.А. «Мягкая сила» и сила права: к постановке проблемы // Вестник Московского университета. Серия 25, Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 3 – 19.
5. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 3 (54). С. 212 – 223.
6. Леонова О.Г. Джозеф Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 101 – 114.

7. Nye J.S. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books, 1990. 336 p.
8. Robinson J. *Russian Foreign Humanitarian Assistance Identifying Trends Using 15 Years of Open-Source Data* [Электронный ресурс] // Expeditions with MCUP. 13.04.2022. URL: <https://muse.jhu.edu/pub/419/article/853324> (дата обращения: 27.05.2025)

References

1. Alrhal R.M. *Problems and Prospects in Implementing the Collaborative Methodology in Teaching Russian to Syrian Schoolchildren. Collaborative Methodology in Teaching Russian: Proceedings of the International Practical Conference*. Moscow: Moscow State Pedagogical University, Institute of Philology. 2022. P. 187 – 193.
2. Arefyev A.L. *Russian Language at the Turn of the 20th–21st Centuries*. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing. 2012. 482 p.
3. Budaev A.V. "Soft Power" in Russia's Foreign Policy: Origins, Features, and Prospects. *Public Administration. Electronic Bulletin*. 2015. No. 48. P. 189 – 197.
4. Gromiko A.A. "Soft Power" and the Force of Law: Toward a Problem Statement. *Moscow University Bulletin. Series 25, International Relations and World Politics*. 2014. No. 3. P. 3 – 19.
5. Lebedeva M.M. "Soft Power": Concept and Approaches. *MGIMO University Bulletin*. 2017. No. 3 (54). P. 212 – 223.
6. Leonova O.G. "Joseph Nye and Soft Power: An Attempt at a New Reading". *Social and Humanitarian Knowledge*. 2018. No. 1. P. 101 – 114.
7. Nye J.S. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books, 1990. 336 p.
8. Robinson J. *Russian Foreign Humanitarian Assistance Identifying Trends Using 15 Years of Open-Source Data* [Electronic resource]. Expeditions with MCUP. April 13, 2022. URL: <https://muse.jhu.edu/pub/419/article/853324> (date of access: 05.27.2025)

Информация об авторе

Алаеддин М.М., руководитель представительства МИА «Россия сегодня» в Ливане и Сирии, военный корреспондент РИА Новости, аспирант, Мелитопольский государственный университет им. А.С. Макаренко, 272312, Запорожская обл., г. Мелитополь, пр-кт Богдана Хмельницкого, 18, dim1945@mail.ru

© Алаеддин М.М., 2025